

ГЛАВА 1

— Да не о чем рассказывать... — вздохнула я, счищая ножичком кожуру с яблока. Очищенное яблоко разрезала пополам, вынула сердцевину и на блюде протянула обе половинки тетушке.

Все — наработанными автоматическими движениями. Нож моей руке более чем привычен, а яблок я при каждом визите к Миле в больницу начищала штуки по четыре, не меньше. Апельсины Мила не любит; даже если и любила бы, в больнице бы точно обошлась без них. Эти ни в чем не повинные цитрусовые и так уже — символы больничных визитов. Стереотип: едешь в больницу навещать близкого человека и в числе гостинцев притаскиваешь ему апельсины. То же, что мандарины на Новый год.

Словом, Мила предпочитает яблоки.

— Прямо и не о чем? — Мила поудобнее села, принялась за яблоко. — Что же этот мальчик, Арцах? Совсем *ни о чем*?

Я ненадолго уклонилась от ответа, тоже принявшись за яблоко. Со своим возиться не стала, я и с кожурой яблочки трескаю за милую душу.

Нарочно медленно жевала, раздумывая над ответом. Не так-то просто было вкратце сказать, чем именно меня не устраивал Арцах Варданян в качестве кавалера.

И — да, очень в духе Милы назвать почти сорокалетнего мужчину «мальчиком». «Мальчики» и «девочки» — так она называла своих бывших учеников, многим из которых уже и за сорок перевалило.

Но — Арцах.

Часто новые знакомства в моей жизни возникали в связи с моей работой (я работаю телохранителем, да, а что такого?). Эти знакомства могли стать полезной связью, подчеркиваю — полезной *деловой* связью. Тот же Серега Коваль с его весьма приличным охранным агентством или Галина — владелица агентства уже похоронного, порой неплохо выручали меня. Как и многие другие в Тарасове. Или я их, не оставаясь в долгу.

Вот и с Арцахом Варданяном, одним из журналистов старейшей тарасовской газеты «Вести Тарасова», меня свело предыдущее мое задание. Изрядно, надо сказать, потрепавшее мне нервы. После этого дела я решила не браться за охрану персон из киноиндустрии. По крайней мере, не в этом году точно.

Дело это для моего подопечного окончилось шумно и скандално. Арцах, в то же время ведущий журналистское расследование, оказал мне неплохую помощь с тарасовскими киноархивами. Я же вернула должок, устроив ему интервью

с моим охраняемым объектом — подающим надежды киноактером.

Это интервью стало этакой вишенкой на торте для его расследования. Вышла громкая статья (ни единого упоминания моей скромной персоны, за что и спасибо), карьера моего клиента двинула в гору, а я удачно завершила свое задание.

И не без интереса согласилась встретиться с Варданяном в свободное от работы время. Разница в возрасте меня не смущала.

Как и его — разница в росте. Отпрыск достославного рода Варданянов был на полные десять сантиметров ниже меня и находил это одновременно курьезным, забавным, а более всего — очаровательным.

Одновременно он был хорошо воспитанным человеком с высшим образованием, с чувством юмора и вкуса. Как и я, любил поесть. И обладал каким-то сверхъестественным нюхом на тарасовские «едальни». Поверьте, если уж Арцах Варданян говорит, что в заслуженно знаменитом ресторане «Авиньон» перестали хорошо готовить котлеты по-киевски — так и есть. А если приводит в одну из закусовых неподалеку от вокзала с заверением, что тут божественно вкусные пышки — они таковыми и оказываются.

Прибавьте к этому симпатичную внешность, крепкое телосложение, щедрую порцию обаяния и приятный голос. Плюс способность уважать мнение и личное пространство другого че-

ловека. Все! Большинству женщин этого хватило бы.

Вероятно, мне тоже, хотя бы для небольшой романтической связи. Хотя бы разбавить жизненную рутину.

Но для этого...

— Хм-м-м, — протянула я, схрумкав яблоко. — Бывало у тебя, что мужчины не воспринимали тебя как женщину?

Н-да, нашла у кого спросить. Мою тетушку Людмилу Охотникову не назовешь монахиней; но и грозой мужчин или хищницей она не являлась. Бурная молодость у нее случилась разве что в смысле трудовых подвигов на ниве образования.

— А, так в этом все дело? — понимающе кивнула Мила.

Я удивленно моргнула. Одним своим вопросом Мила объединила все мои размышления относительно трех уже состоявшихся свиданий. Абсолютно платонических.

До сего момента я предполагала, что Арцах просто чересчур уж благовоспитанный и относится к «медленно запрягающим» мужчинам, таким вот антиКазановам. Не то чтобы я имела что-то против. К тому же Арцах видел меня в деле и прекрасно знает, что в случае наглого распускания рук я и силовыми методами урезонить могу. Но в моем случае его романтические подвижки останавливало явно не это.

Мила прочитала все по моему лицу.

— Может, он из *этих*? — со скрытой надеждой предположила она.

Да, моя тетя до сих пор считала, что дружба между мужчиной и женщиной маловероятна. Исключений признавала лишь два: коллегиальные отношения (служебные романы Миле были чужды как класс) либо нетрадиционная ориентация одного из участников свидания. А так как со мной в этом смысле все более чем традиционно, то...

— Да нет, это вряд ли, — возразила я. — Еще яблочко, Мил?

И с первым витком срезанной кожуры поняла, что вот так вкратце всего действительно не расскажешь. А сыпать подробностями... пожалуй, нет. Личная жизнь на то личной и называется.

К примеру, фильмы про Джеймса Бонда прежними для меня уже не будут. Мне нравятся более поздние; снятые пошкарнее, в девяностых годах, в нулевых. Конечно, образ агента «007» сам по себе искусственен и неправдоподобен. Мне, как бывшему бойцу настоящего отряда спецназа, прекрасно видны все ляпы и промахи. Но для разгрузки мозгов отчего не побаловать себя легкомысленным кино?

Это был тот случай, когда инициативу проявила я и пригласила Варданяна в кино на ретроспективу «бондианы» с Пирсом Броснаном. Тем более, как оказалось, он (Арцах, а не Пирс Броснан) до этого с фильмами о шпионе Ее Величества знаком не был.

Большая ошибка с моей стороны.

Вообще симпатию к этим фильмам мне в свое время привил отец, когда мне было лет шестнадцать. Мне, той еще сумасбродке и экстремалке, невероятные трюки из того же «Золотого глаза» с Броснаном зашли на «ура». Я думала, что прыгнуть с обрыва, долететь до падающего самолета, влезть в него и взять под управление — это реально. И решила, что когда-нибудь обязательно научусь это делать и сделаю.

Для папы же эти фильмы были навроде средства для поднятия самооценки. Повод погордиться за Родину. Именно так, с большой буквы. А заодно за всех наших разведчиков, оптом.

Так вот, об ошибке.

Арцах остался в полном восторге. Хохотал на весь немаленький зрительный зал, не реагируя на шиканье и просьбы «Потише!» со стороны более серьезно настроенных зрителей. Громко комментировал каждый ляп фильма вообще и промахи агента «007» в частности. А уж когда началась — честно, моя любимая! — сцена погони в центре Петербурга, Арцах задыхался от хохота и лишь с трудом выдавливал, вытирая слезы:

— На танке... боже мой, нет, вы видели... на танке, с таким лицом... как на кабриолете.

Н-да.

Кажется, к концу сеанса почти весь зал алкал крови Варданяна, злостно испортившего фильм своими комментариями.

А на мое саркастическое:

— Арцах, вы случаем не описались со смеху?

Он, ничуть не обидевшись, ответил с благодушной откровенностью:

— Нет, фильм был *не настолько* смешной. —

И, утирая в последний раз глаза, с восторгом поблагодарил: — Евгения, это было просто замечательно. На что пойдем в следующий раз? На «Звездные войны»?

Справедливости ради, он после кино отвел меня в одну из недавно открывшихся кондитерских, где успел примелькаться и занять блат. И добрых полчаса обсуждал фильм, уточняя у меня — насколько выполним в реальности тот или иной трюк Бонда. И неподдельно восхитился, узнав, что мне самой довелось совершить прыжок с тросом с высотного сооружения — как Бонду в самом начале фильма.

О том, что мне приходилось и в здание проникать через вентиляционную шахту, ведущую в туалет, я умолчала. Мало ли, Арцах Суренович на сей раз не удержал бы штаны при себе сухими.

— Знаете, Евгения, это про вас бы фильм снять. Ставлю мой годовой оклад со всеми премиальными — мистера Бонда вы уделаете одной левой!

— Рукой или ногой? — невозмутимо уточнила я, все-таки наслаждаясь его мальчишеским восторгом.

Под конец свидания Арцах с совершенно серьезным видом, выражаясь старомодно, *испро-*

сил моего дозволения и поцеловал мне руку, еще раз поблагодарив за чудесный вечер.

— А что тогда с ним, Жень? — Мила вернула меня из позавчерашнего вечера в сегодняшний день.

Я моргнула и сфокусировала взгляд на очередном яблоке в руках. Надо же, дочистила и не заметила.

— Забыл повзрослеть, — ляпнула я первое, что пришло в голову, и одним сильным движением разрежала яблоко напополам.

И тут же поняла, что это правда.

— Из детства не вышел. Или детства не было, — авторитетно заявила Людмила своим «учительским» тоном. — С мужчинами такое часто бывает, вырасти вырастают, а мотивы и поведение остаются подростковые. Наверное, единственный ребенок в семье?

— Да, — с удивлением подтвердила я.

Я тетушке про своих потенциальных партнеров особо не рассказываю. А она и не беспокоится особо. Знает, что я кого попало к себе не подпущу.

— Варданян... — задумчиво протянула она, забирая у меня половинки свежеччищенного яблока. — Его бабушку случайно не Гаруник Арамовна зовут?

— Откуда ты знаешь? — удивилась я.

Все-таки Тарасов, пусть и провинциальный, но не самый маленький город. Так что порой осведомленность Милы меня поражала, а то и ставила в тупик.

— Так она же работает до сих пор бухгалтером в центральном отделении полиции. Заслуженная работница, еще с советских времен. Даже во время перестройки удержалась.

Я не стала дополнять образ означенной «заслуженной работницы» деталями о криминальном прошлом этой почтенной дамы. В советское время Гаруник Арамовна возглавляла группу тарасовских контрабандистов, специализируясь на всевозможных дефицитных товарах. Не влезая в такую криминальщину, как наркотики и оружие, любимая бабуля Арцаха начала с фруктов и овощей. Внук ее, без подробностей поделившись со мной этой семейной историей, только пожал плечами:

— А что ж вы хотите, Евгения? Она осталась в чужом городе, без мужа, с маленьким сыном на руках... Зарплата бухгалтерская копеечная, на местной швейной фабрике. Тут хочешь не хочешь, а завертишься.

Я тогда лишь пожала плечами в ответ. Трудные обстоятельства всегда были и причиной, и оправданием для тех, кто ступал на преступную стезю. Как сказал бы один из персонажей фильма «Удача Логана», у уважаемой Гаруник Арамовны имелся веский «духовный отмаз».

— Да, она самая, — подтвердила я тетину догадку. — Гаруник Арамовна Варданян.

— Хорошая женщина, — поддержала Мила, вкусно разделяваясь с яблоком, так что и мне еще захотелось. — Сын ее — Сурен вроде?

— Да. А его жена и мать Арцаха — Каринэ. — Я уселась поудобнее, подставляя лицо теплому весеннему ветерку из форточки.

Май месяц радовал мягкой нежаркой погодой. Хорошо бы и июнь был таким же. Тогда аромат сирени будет разлит в воздухе в самую меру, без излишеств, словно парфюм у опытной светской львицы.

— Точно один ребенок в семье. — Мила прищурилась, отчего морщинки у глаз стали заметнее. — Таких часто балуют, и вырастают эгоисты. А могут зажать в тиски, и получаются люди без детства. Потом в зрелом возрасте нагоняют, закрывают гештальт.

Я, слушая Милу вполуха, на последних словах сосредоточилась.

— Точно! Вот у него второй случай. — Недостающие кусочки мозаики для меня встали куда надо. — Не набесился, а теперь отрывается.

Да, все прояснилось. Конечно, вариант с «медленно запрягающим» или чрезмерно романтичным по характеру мужчиной еще мог предполагаться. Но теперь я думала, что Арцах, вероятнее всего, воспринимал меня как младшую сестру или товарища по играм, только женского пола. Жаль, потому что такие вот обделенные детством мальчишки в теле мужчин меня интересуют мало. Как минимум потому, что сама я морально вполне соответствую своему далеко не подростковому возрасту. Вот такая *разница в возрасте* меня уже не устраивала.

Хотя я ощутила и некоторое сожаление, как бывает — да простят мне это циничное сравнение — когда лакомый кусочек приходится отложить в сторону. Чтобы не получить несварение или аллергическую реакцию. Незаурядный человек, но не мой типаж, совсем не мой.

— Так, а вчера-то вечером что было? — Мила вытерла руки влажной салфеткой.

Яблоки закончились, так что отвлечься было не на что, как нечем было и тетушку отвлечь.

— Вчера, Мила, был чистый цирк. Буквально.

...да, Варданян-младший сделал свои выводы насчет предпочитаемой мной развлекательной программы. И если фильмы про Джеймса Бонда я изредка пересматриваю (когда совпадают телевизионный показ и мое нечастое свободное время), то в цирке была последний раз, наверное, лет в двенадцать.

А, нет, вру: после окончания ворошиловского института жизнь моя периодически выделявала такие кульбиты, что куда там иным цирковым гимнастам. Тот еще цирк. Кровавый и без страховки.

Хотя вчерашний воздушный гимнаст был хорош настолько, что мы с Арцахом до смешного синхронно подавались вперед, неотрывно следя за его трюками. Высокий и крепкий, даже массивный на вид, гимнаст перелетал с трапеции на трапецию так, будто ничего не весил. Уже только из-за этого номера программы я перестала жалеть, что поддалась обаянию Ар-

цаха и разрешила занять свой вечер. Было интересно наблюдать и за человеком-змеей в зеленом с «чешуйками» трико (как там в классическом рассказе — «густоперченный мальчик», а по-правильному — гуттаперчевый), и за парочкой жонглеров. Вот иллюзионист не впечатлил: с моего места мне неожиданно хорошо было видно все его банальные уловки, с помощью которых он дурачил зрителей.

Да, визит в цирк оправдал себя сам по себе, именно как зрелище. А вот как свидание — полный провал. Еще до конца программы я точно решила для себя, что от дальнейших встреч с Арцахом воздержусь. Разве что сугубо по работе.

Смешно, меня даже посетила мысль, что было бы куда удобнее, будь Арцах женщиной, а я мужчиной. Тогда уже я могла бы начать ухаживать и уж не дала бы повода сомневаться в тоне моих намерений.

Не поймите неправильно, я не отношусь к тем абсолютно пассивным дамам, что полностью убеждены, что мужчина — ухаживает, а женщина — принимает ухаживания. Но в случае с Арцахом мне, во-первых, не хотелось делать за него всю работу. А во-вторых, я даже без нынешних тетушкиных метких вопросов подозревала, что мои активные действия пропадут втуне.

А когда на арену вышла угловатая девица в ярких штанах в обликку и красном лифчике и начала показывать фокусы с огнем, Арцах уста-

вился на нее так, что я слегка разозлилась. Значит, вот это костлявое нечто, пробежавшееся по раскаленным углям, его впечатляет, а сидящая рядом красавица в моем лице — нет? Или мне нужно опять, как во время нашего знакомства, одной ногой вырубить двухметрового амбала, чтобы привлечь его внимание?..

— ...как пацан малолетний, — подытожила я свой рассказ. — Ни малейшей заинтересованности мной. Как будто это я его в цирк привела за хорошие оценки.

— И как, *отшила* его? Руки не жав, прощальных слов не трата? — полюбопытствовала Мила.

Я смерила взглядом том Шекспира на ее тумбочке. Хорошо, что скоро тетушку выписывают, а то вот уже и «Макбета» в разговоре употребляет.

— Угу, — проворчала я, — и все остальное, как по пьесе. Голову с плеч да на частокол... Давай-ка сменим тему. Как там твое новое левое колено? Хорошо себя ведет?

...если честно, то практически отшила, да-с. Поблагодарила за хороший вечер, крепко пожала руку, не позволяя на сей раз поцеловать. И предупредила, что пока что — буду занята, увы. Так что не могу гарантировать встречу в ближайшем будущем, вот так.

Варданын смотрел на меня с пониманием.

— Работа? — серьезно уточнил он. — Новое задание?

— Похоже на то, — в тон ему ответила я. ■

Вот она, чертова сила обаяния: я не сказала Арцаху, что имела определенные виды и надежды на наши встречи. Зачем? Я ведь понимала, что не хочу дальнейшего, так сказать, продолжения банкета. Симпатия? Пусть. И нужная связь, очередная полезная ниточка в ткани моих тарасовских знакомств. Но не более.

— Евгения, вас подвезти? — предложил он.

— Нет, я на своих колесах, спасибо.

— Надеюсь, мы с вами еще увидимся? — Это был вопрос, и явно не риторический.

— Надежда умирает последней, — мстительно уклончиво отозвалась я. Если уж пользоваться дурацким стереотипным правом женщины на переменчиво-неопределенное поведение, так пользоваться.

Следующий мой шаг был вчера, напротив, стереотипно мужским. Как в дешевой мелодраме, я решила компенсировать неудавшийся (все-таки неудавшийся!) вечер парой коктейлей в баре. Не «Кровавая Мэри», нет, все не настолько плохо. Одна или две «Маргариты». После той еще клоунады в кинотеатре уж «Маргариту» я заслужила.

В Тарасове я живу давно и без гурманских сверхспособностей Арцаха Варданяна знаю отличные места: и поесть, и выпить, и посидеть спокойно.

Бар «Готика», популярный у местной богемы и студентов позажиточнее, вполне удовлетворял последним двум требованиям. Знакомый бармен

Вадик, с виду — чисто музыкант из группы Мэрилина Мэнсона, быстро и мастерски смешал мне «Маргариту» и плавно пододвинул полный бокал в мою сторону.

— Закусь?

— Дай несоленых орешков, — согласилась я.

И от скуки стала наблюдать, как Вадик *работает заказы*. Работал он в «Готике» лет этак шесть. И с шейкером и прочей посудой обращался так ловко, что... да, хоть в цирке выступай.

Может, и я для Арцаха была частью зрелища, ярким фрагментом его тоже не самой спокойной жизни? Прямо даже жалко (да простят мне этот цинизм еще раз), что нигде-то мне в хозяйстве этот мужчина не пригодится. В смысле, личной жизни. Да, я не из тех романтических особ, которые верят, что противоположности сближаются, а любовь преодолееет все преграды. И не так глобальны мои проблемы с личной жизнью, чтобы пытаться удержать даже самого безнадежного поклонника.

— Не, фу, ты че! Как-т здесь... стремн, — раздалось у входа в бар. Так громко, что посетители начали на них оборачиваться, и я в том числе.

Глянула да и повернулась обратно. Едва ли вошедшие опознали бы меня. В цирке я сидела на предпоследнем ряду, высоко от манежа. А вот меня перспектива понаблюдать за циркачами еще и в неформальной обстановке не обрадовала, ибо лишний раз напоминали труженики арены о моем неудачном свидании.

— Шо стремно, п-приличное место.

— Да, давайте хоть оглядимся. Чего ты ото так с плеча-то — стремно...

Циркачи продолжили разговор уже тише. Посетители вернулись к своим разговорам и напиткам. Вадик же принял самый гостеприимный вид, какой только позволял его вызывающий вид: готический макияж, рваная черная одежда, черные космы и многочисленные серьги в обоих ушах.

Цирковых было трое: впечатливший давеча меня воздушный гимнаст (вблизи было еще лучше видно, насколько этот *детинушка* могучего телосложения); «густоперченный мальчик», то есть, тьфу, простите, «человек-змей» и огнестойкая, *огнь жрущая* девушка. «Змей» был самым высоким в компании. Казалось, он вот-вот заденет макушкой свисавшие с потолка разнообразные тематические украшения. Подобно тому, как его коллега, возможно, плечами мог раздвинуть проход меж рядами столиков.

— Миш, давай-ко во-она тот столик, для дымящих, я курну, — говорил человек-змей.

Стало быть, гимнаста звали Михаилом. А что, подходящее имя... для такого медведя!

Я машинально отметила, что «змей» мог происходить из Вологодской области: он отчетливо о́кал, не ошибешься. «Медведь» что-то ответил-проворчал, глухо и неразборчиво. Деваха, вблизи еще более угловато-костистая, носатая, шу-

стро проскочила к барной стойке, едва не свалив ближайший стул.

И ее коллеги, и она были одеты сейчас, как говорится, цивильно. Циркачей или, более общо, «людей тела» — циркачей, спортсменов, танцоров — в них выдавала разве что сильная, хорошо разработанная мускулатура. Уж я-то сегодня видела; трико — одежда *безжалостно информативная*. Не хуже иных пеньюаров, доложу я вам.

— П-привет, детка-конфетка, — чуть не на весь бар беззастенчиво произнесла фэйерщица, подмигивая бармену. — Что у вас т-тут есть погорячее?

С некоторых столиков снова обернулись. Оно и неудивительно: в «Готике» так себя не вели. Это заведение было для так называемых тонких натур, томно выдыхающих сигаретный дым и между глотками кофе или коктейлей обсуждающих свои творческие планы.

Однако едва ли за сию цирковую деву стоило беспокоиться. Вряд ли кто-то будет к ней приставать — точно не с таким сопровождением. У этого Михаила комод на плечах разместить можно, ящичков на шесть, не меньше.

Пока циркачка обсуждала ассортимент с ничуть не смутившимся Вадиком, я краем глаза посматривала за ее сокомандниками. Желание поскорее уйти пропало. Напротив, захотелось остаться подольше. Ведь Мила-то была еще в больнице, и дома меня ждал разве что холодильник с «подножным кормом»: продуктами, ■

не требующими приготовления либо очень быстрыми в готовке. Да, кулинарить я умею, но не люблю, оставляя это дело целиком за тетушкой. А не люблю настолько, что мне проще сидеть на диете из йогуртов с творожками и бутербродов. Ну, и харчевни тарасовские выручают, не без этого.

— Я те гврю, дело-т вернячное! — У гимнаста Михаила была приметная особенность дикции: он «проглатывал» куски слов, особенно гласные. Будто ему не хватало терпения выговаривать все слова полностью. Это внезапно уместно сочеталось с его внешностью: помимо примечательных *шкафных габаритов* он обладал ярко-рыжей шевелюрой. Тут уж стереотипы про вспылчивый характер *огневласых* людей сами в голову лезли.

— Вот так пойдешь и попросишь? — тихо и недоверчиво спросил «змей».

Он, кажется, единственный из троих циркачей чувствовал себя не в своей тарелке в этом заведении.

— Дык да, Эдьк! Родный бать, черт знает где колупалсь — и вон нате здесь сидит! Мамань в однуху меня вытягивала — скаж, нормально?

— Я вообще в детдоме рос, — не то согласился, не то возразил «змей» Эдик.

— Ритк, шо ты тама застряла? — Михаил отвлекся от темы разговора, а жаль.

— Тут все бухло для ш-шалав и п-педиков! — так же громко, в тон громыхуче-

му Михаилу, отозвалась «Ритк». — Ты такое не с-сосеешь.

При этих словах она окинула взглядом весь зал: не иначе как намекала, кто попадает под ее изысканные характеристики. Тонкие творческие натуры в лице посетителей бара сделали вид, что ничего не слышали. Я невозмутимо смаковала свою первую за вечер «Маргариту». Я побывала в достаточном количестве конфликтных ситуаций, чтобы уметь объективно их оценивать. Эта цирковая троица сейчас просто выпендривалась без особой агрессии. Усталые после насыщенного выступления, особой опасности они не представляли.

Но это было так только на мой взгляд. После реплики огнестойкой Ритки посетители сразу с двух столиков тотчас забрали вещи и быстро молча ушли.

— Маргарита, фильтруй базар, — посоветовал «вологодский змей» Эдик.

— Пошел т-ты.

— Ребят, правда, не гоняйте посетителей. У нас тут приличный бар. — Вадик сохранял спокойствие. Правда, при этом он вопросительно глянул на меня.

Я в ответ покачала головой и глотнула еще «Маргариты». Нет уж, дружок, тут на меня не надейся. Нашел бесплатного вышибалу. Я здесь расслабляюсь, как и все. Нет, если совсем жареным запахнет, я вмешаюсь. Но сначала пусть запахнет.

«Змей» только хмыкнул на замечание бармена, выразительно оглядев мрачное, почти «хэлоуиновское» оформление бара. Видимо, под его стандарты приличного заведения не подходило. Да, местечко своеобразное, не спорю. Но колоритное: раза два или три бар засветился в местных фильмах. В общем-то, именно благодаря предыдущему своему заданию я «Готику» для себя и открыла.

— А в-вы что пьете? — уже вежливее осведомилась у меня Рита.

Я единственная сидела за стойкой и не пыталась делать вид, будто циркачей здесь нет.

— Коктейль «Маргарита», — непринужденно ответила я.

— Ха! Т-тезка. И как? Пить м-можно?

— Можно, — с той же уверенной ленцой заверила я.

Девчонка еще помедитировала на доску меню, пожевывая нижнюю губу (отчего помада оказалась у нее и на передних зубах, фу, ну кто же так делает). Парни что-то обсуждали, но совсем тихо; и, кажется, «змею» разговор не нравился. Он резко мотнул головой и сделал попытку встать со стула. Гимнаст подался к нему и хватанул — надавил рукой на плечо: будто лопатой плашмя хлопнул, возвращая обратно на стул.

Я наблюдала, не выдавая своего внимания к этой сцене.

Эдик больше не пробовал уйти, но отодвинулся подальше от Михаила, а Рита уже направля-

лась к их столику с тремя узкими стопками. Не иначе как что-то крепкое.

— В-вот че ты к нему пристал? — грубо осведомилась она. И тут же, не дожидаясь коллег, опрокинула свою стопку. Поморщилась. — Тебя вообще здесь не д-должно быть, мы с Эдиком х-хотели...

— Х-ххо-хотели они... — передразнил ее гимнаст.

Столики вокруг них стремительно пустели. Вадик убрал посуду с уже покинутых, смирившись и не пытаясь призвать циркачей к порядку.

Я отвернулась, невидящим взглядом скользя по бутылкам и машинально слушая разговор. Только по речевым особенностям этой троицы можно было не глядя отличать — кто подает реплики. Им бы еще кого картавого в компанию для полноты картины.

Вот у Арцаха речь была зачастую слишком уж гладкой, до скуки правильной. Отполированная воспитанием и журналистским факультетом, как галька волной. Уху иной раз не за что зацепиться. Ни малейшего акцента, ни слов-паразитов.

Я не знала, говорит ли Арцах по-армянски. Но успела достаточно пообщаться с ним, чтобы быть уверенной: кроме имен, с исторической родиной их семью ничто не связывало. Фамилию берегли; но больше, похоже, из стремления держаться обособленно и «не смешиваться с кем попало» (слова Варданяна-старшего). Национальные армянские праздники семья Варда-

нян игнорировала, как и какие-либо памятные для их народа даты. И верующих в семье не было. Не иначе как слишком хорошо ассимилировались. Надежно переплавились в суровом советском горниле всеобщей стандартизации. Ух, рассуждаю сейчас прямо как Мила!

— А ты вообще от-твалил бы! — за столиком циркачей Маргарита резко повысила не только градус, но и тон беседы. — Прицепился! Кто тебя з-звал?

— Э-э-эдьк, — глумливо передразнил Михаил. Он голоса не повышал, но в наступившей настораживающей тишине было слышать каждое слово.

Я рискнула оглянуться. Эдик с хмурым видом сидел, откинувшись на спинку стула и сложив руки на груди, отгородившись от назревающего конфликта. Михаил, навалившись локтями на стол, в упор смотрел то на фэйерщицу, то на «змея».

Огнеупорная Ритка молча перевела взгляд на своего предполагаемого спутника.

— Ну да. — «Змей» только плечами пожал. — А что?

Он уже не надеялся на спокойный вечер и от того был отвратительно невозмутим. Даже меня, стороннюю наблюдательницу, это невольно задевало.

— На-на-нахрен вас обоих! — Фэйерщица встала, опрокинув стул. — Сопля т-ты, Эдька!
■ С-с-сопля и есть!

Ее заикание от эмоций и алкоголя только усиливалось, и, похоже, этот факт дополнительно выводил ее из себя. Она вскочила, опрокинув стул, одну за другой, без паузы, опорожнила в себя обе предназначавшиеся цирковым «джентльменам» порции, нарочно грохая пустыми стопками о стол.

— С-сидите тут, долбоящеры, любите друг друга, — высоким стилем закончила она и стремительно покинула бар.

Н-да, очень похоже, что все это назрело еще до того, как они пришли сюда, а вот тут-то и сдетонировало.

Вадик тщательно вытирал один и тот же стакан уже этак в пятый раз. Я прикончила «Маргариту» и попросила повторить. Самые храбрые из посетителей — и те собрались домой.

А медведеобразный Михаил подвалил к стойке и попросил пару пива, безо всякого шума и скандала согласившись на *выпендрешное* вишневое, какое только и осталось. И аккуратно поднял опрокинутый обиженной коллегой стул. Ну да, ну да, соперницу устранил — и повода шуметь не осталось.

Что ж, картина разыгралась, на мой взгляд, более чем очевидная. Два старых друга неразлейвода; у одного вдруг наклеывается какая-никакая личная жизнь, а второму это не нравится, потому что страдает крепкая мужская дружба. Или же другом становится сложнее управлять: было у меня и такое впечатление, что Михаил

являлся в этом дуэте негласным лидером. Хотя — черт его знает, тихушники, вроде этого Эдика, тоже бывали людьми с сюрпризом.

Все время, пока я (больше из упрямства) одолевала второй коктейль, двое циркачей продолжали шептаться, неспешно потягивая пиво. Эдик хмурился, но *восстать* уже не пытался.

Они еще сидели, когда и я ушла. После второй «Риты» я прекратила отрицать очевидное и оттягивать неизбежное.

Возвращение домой несолоно хлебавши? Можно и так сказать. Да еще некоторое сходство ситуаций — моей и этой циркачки. Тот же облом на романтическом фронте — даже фривольный разговор с барменом не помог этой девчонке вернуть внимание своего циркового кавалера. Пламя в лице рыжего Михаила фэйерщице Маргарите укротить не удалось.

...Эту часть своей вчерашней вечерней программы я пересказывать Людмиле не стала. Хотя ее, скучающую в больничном быту, эта история изрядно развлекла бы.

И дала бы полную картину моего маленького фиаско.

Вероятно, так же, как развлек бы и пересказ моего сна. После заполированного двумя коктейлями цирка мне приснилась та еще фантазмагория. В этом сне я сама была циркачкой; каталась на одноколесном велосипеде по канату, взад-вперед, не забывая расстреливать из карикатурно огромного револьвера возникавшие

справа и слева мишени. Разумеется, попадала в «яблочко» — я и в реальной жизни отменно стреляю. При этом за моим выступлением наблюдал всего один зритель. Уже догадались?

Да, это был Арцах, и в этом сне он в полном восторге аплодировал уже мне. Улыбался во все тридцать два и пронзительным восторженным свистом, будто мальчишка, сопровождал каждый мой выстрел.

Этот свист перешел из сна в реальность сегодняшнего утра, обратившись пронзительным визгом будильника. У меня на телефоне нарочно установлен рингтон, имитирующий звон старого советского будильника. От него я гарантированно просыпаюсь, в каком бы состоянии ни заснула. Рефлексы рефlekсами, но подстраховаться иногда не помешает.

Впрочем, сейчас я находилась в само назначенном отпуске. Операция Людмилы удачно пришлась на мой перерыв в работе. А они у меня иногда случаются. Работать телохранителем — это вам не в офисе пятидневку отбывать.

Так что я, ближайшая родственница, взяла на себя обязанности по уходу за тетушкой. И заодно худо-бедно занималась хозяйством. Чувствую, по возвращении домой Мила найдет что мне сказать по поводу малость подзапущенной квартиры. Ну, как подзапущенной: от прослушки — защищена, бронированная дверь — есть, подходы — просматриваются... как по мне, вполне ухоженное жилище.

Ладно, ладно, шутки в сторону. Сдаюсь. Домашнее хозяйство не самая моя сильная сторона. И вряд ли ею станет.

— ...Колено, Женечка, прекрасно. Я уже сама выхожу в коридор, и в туалет могу сама. Во двор, правда, пока трудноато, лестница... — Мила с сожалением глянула в окно: погода к прогулке более чем располагала. Но врач пока не рекомендовал ей самостоятельно спускаться по лестнице. А против варианта с инвалидной коляской решительно выступила сама Мила.

— Все же не перенапрягайся, — напомнила я. И вновь пожалела, что яблоки закончились. Отчаянно хотелось занять руки хоть чем-нибудь.

— Меня же послезавтра выписывают, помнишь? Значит, все уже вполне хорошо. Или ты, Женечка, думаешь, что я старая?

— Да ну, какая ты старая. Ты еще — самый сок. Порох в пороховницах и прочее.

Что недалеко от правды: для своих лет Мила вполне бодра и деятельна. Ну, учителя по этой части редко подводят: преподавательская деятельность держит мозг в тонусе даже после выхода на пенсию, а мозг держит в тонусе все остальное. Вроде бы актеры этим тоже славятся.

А вот насчет телохранителей никогда не угадаешь: не все из моих коллег доживают хотя бы до стандартного пенсионного возраста. Да и официального выхода на пенсию как такового у нас нет, тут каждый сам за себя решает. Нередки и случаи, когда мирной жизнью мешают наслаж-

даться старые знакомые, решившие вдруг вернуть должок или потрясти на предмет еще одного задания.

Что касается меня, я о своей старости пока не задумываюсь. Тут бы молодостью успеть как следует насладиться.

Пока что получалось не очень.

— Видишь, еще чуть-чуть — и будешь дома, — подбодрила я тетю.

— Кстати, как там квартира? Следишь за порядком?

— Да, сэр! — Я шутливо козырнула.

Конкретно вчера вечером по возвращении из бара я как попало скинула туфли в прихожей; положила куртку на комод, поверх нераспечатанных счетов от коммунальных служб, и так и оставила. С оружием или инструментами я так, конечно, не обращаюсь, но опустим частности.

Тему домашнего хозяйства дальше Мила развивать не стала. Вместо этого прислушалась и, приподнявшись, выглянула в окно. Я тоже любопытствовала и увидела знакомую картину.

Этого — нет, не старика, но уже крепко пожилого мужчину — я нередко встречала по дороге из больницы, возвращаясь от Милы. Постоялец дома престарелых, размещенного как раз бок о бок с больницей. На мой взгляд, для больницы не самое позитивное соседство; да и «престареловцам» наверняка не очень приятно на прогулке наблюдать бытовые сцены из жизни больницы или регулярный проезд машин «Скорой по-

моши». Но практическая польза перевешивала: случись что, медпомощь подоспеет быстро.

Да и недвижимость в Тарасове, как и везде, дорожала, так что владельцы не могли особенно перебирать. Этот пансионат по крайней мере мог предоставить своим обитателям небольшой сад для оздоровительных прогулок, скамейки и обильную зелень кустов сирени, черемухи и старых высоких деревьев.

Что касалось мужчины, то мы с ним нередко перебрасывались парой-тройкой фраз. Необязательно, но и не дежурно интересовались делами, желали приятного дня — этакий старосветский обмен любезностями.

А началось все с теплого, но ветреного дня, когда Милу только-только положили в больницу. Я шла мимо ограды, когда мне прямо в лицо прилетел газетный лист — по курьезному совпадению это был фрагмент «Вестей Тарасова». Пожилой рыжий (вернее, рыже-седой) мужчина передо мной извинился и, через ограду забрав лист, принялся поспешно собирать остальные. Газету разметало ветром по всей лужайке. И ветер этот то и дело норовил утащить отдельные листы подальше, едва мужчина (к слову, довольно энергичный для своего возраста) к ним приближался.

Я отметила прислоненную к скамейке трость и, недолго думая, перемахнула через полтора-метровую ограду. И без лишних слов собрала все оставшиеся газетные листы. Да, бывает. Из-

редка во мне просыпается тот неугомонный тинейджер, каким я была до ворошиловского института.

...сейчас, однако, рыжий постоялец не был энергичен. Полная противоположность всех наших предыдущих встреч: медленно шел до скамейки, тяжело опираясь больше на трость, чем на крепкую руку санитара. И дошел лишь до ближайшей от здания скамейки, а не до своей любимой, в кустах черемухи недалеко от ограды. На лице санитара читалось явное неудовольствие. А выражение лица моего знакомца было... никакое.

— Я его часто вижу, — вздохнула тетушка. — Бредет, бедный, даже трость не помогает толком. Я вот как представляю, что у меня такое будет — тоска берет! Я вот поэтому и отказалась от прогулок на инвалидной коляске. Стоит один раз сдаться, и все!

Санитар что-то спросил у него и, не дождав-шись ответа, чуть не рывком сам посадил пенсионера на скамейку. Практически толкнул. Постоялец едва не выронил трость от такого деликатного обращения.

— Даже уже и говорить не может, видимо. Не иначе как Альцгеймер. — Миле хватило увиденного.

Погрустневшая, она опустила-сь обратно на кровать.

— Странно, — возразила я. — Мы с ним до-вольно часто пересекаемся, когда я возвраща-

юсь от тебя. Перебрасываемся парой словечек. И уверяю тебя — с речью у него полный порядок. Вполне разумный ста... э-э-э, человек пожилого возраста. И передвигается хорошо. Я удивлена, что сегодня ему понадобилась поддержка.

Мила глянула на меня укоризненно и удивленно, так, будто я ее разыгрывала.

— Я всегда, когда вижу — он с санитаром, — настаивала она. — И особо не разговаривает. Санитар его еще так некрасиво обзывает, дебилом, например.

Да, проход между оградами больницы и дома престарелых неширокий, метра три-четыре. Неудивительно, что тетушка это слышала, притом что ее палата — на третьем этаже.

Я глянула в окно еще раз. Рыжий постоялец, сгорбившись, сидел на скамейке, грузно опираясь на трость обеими руками.

Этой же тростью он вычерчивал в воздухе затейливые фигуры, когда шел по свою сторону ограды рядом со мной, вполне подстроившись под мой энергичный шаг. Он сбавлял темп ходьбы, только если я сбавляла его. А тут... ни дать ни взять — и впрямь дряхлеющий мужик. А ведь по моим прикидкам было ему лет шестьдесят пять или чуть меньше. В наше время это ни мужчине, ни женщине не приговор, многие довольно активны в эти годы.

— ...и так еще гоняет его, грубит: «Русый, шевели копытами!» Фу. А с виду вроде приличное заведение. — Милу все не отпускала эта ситуа-

ция, она, очевидно, расстроилась. — Не понимаю, почему «русый», когда он рыжий.

— Руслан Осипович, — рассеянно пояснила я, отворачиваясь от окна. — Его зовут Руслан Осипович. Видимо, поэтому и «русый».

— Откуда ты знаешь? — Мила так и впилась в меня взглядом.

Да, моя осведомленность тоже была весьма обширной, это необходимо мне для работы. Но Людмила Сергеевна Охотникова, тарасовская старожилка, могла бы и не удивляться. Это мне надо удивляться — всякий раз, когда очередное важное лицо Тарасова оказывается в числе ее знакомых или бывших учеников.

— Он сам мне сказал. — Меня откровенно озадачила такая разница в наших наблюдениях.

Интересно, если я застану Руслана Осиповича при этом медбрате, санитаре или кто он там по должности, он притворится немощным? И зачем ему это вообще, особенно при таком невыдержанном сопровождающем?

Развить эту тему в разговоре с Милой уже не получилось: заканчивалось время посещения. Что ж, хотя бы под конец наша пресноватая беседа обогатилась этой маленькой загадкой. Я знаю мою тетю: необычный постоялец пансионата будет теперь занимать ее мысли как минимум весь остаток дня. Да, это вам не Уильям Шекспир.

Хотя, подумала я, спускаясь по лестнице, напротив — очень даже Шекспир! Вот же —

«Гамлет, принц Датский!»! Есть над чем подумать, пока меня не утянет с головой в очередной заказ.

Я полагала, что на сей раз разговора не получится. Слишком уж далеко рыжий человек-загадка сидел относительно ограды. А я была не в том настроении, чтобы снова перелезть через нее. Я же не цирковая обезьяна... тьфу ты, опять эти ассоциации!

Но меня ждал сюрприз: Руслан Осипович успел перебраться на свою любимую скамейку у черемухи и явно меня ждал. Кажется, недобросовестный санитар не считал нужным держать своего якобы слабого подопечного под неусыпным надзором. Либо купился на его спектакль, либо не слишком-то и вдумывался.

— Евгения! — радостно поздоровался Руслан Осипович. — Здравствуйте! Давно вас что-то было не видно...

— И вам доброго дня, Руслан Осипович. — Я всмотрелась в его лицо: живое, подвижное, с цепким и ясным взглядом. Оно не было лицом человека, подверженного старческой немощи тела и духа. Тем не менее и с высоты третьего этажа увиденная сцена была вполне убедительной. — Вы, должно быть, выходили гулять в другое время. Я-то прихожу в одно и то же, график для посещений в больнице неизменный. Как вы себя чувствуете?

— Неплохо, Евгения, сказал бы даже — хорошо! Только вот суставы... — Он похлопал по

локтю, по обеим коленям со снисходительной, но и довольной улыбкой. Мол, а все-таки бега-ет еще коняга, бегаёт!

Да, мысленно хмыкнула я, не только бегаёт, но и дохлым достоверно притворяется. Пожа-луй, воздержусь от расспросов. В моей жизни этот приветливый, охочий до новостей и разго-вора пенсионер — только участник массовки. Даже не персонаж второго плана.

Вот что занятно, кстати: я ни разу не видела, чтобы его кто-либо навещал. Или чтобы он об-щался с другими постояльцами. Хотя я не пасу его круглые сутки. Может, и навещают.

— А вы, Евгения? Как жизнь молодая?

— Да вот цирк сплошной, Руслан Осипович, и никак иначе.

— Та-а-ак, а вот с этого места поподробнее, пожалуйста...

— Да какие подробности — так, в цирк схо-дила, вспомнила юность.

Вранье. В юности — в отряде спецназа «Сиг-ма» — я не на цирковые *кунштюки* пялилась, а обезвреживала террористов.

— Да ну что вы, не такая уж вы и... то есть вы же еще молоды.

Ну, спасибо! Буквально на прошлой неделе я обнаружила у себя седой волос. Нет, это, ко-нечно, признак не старости, а свойств пигмен-та... но все же.

Видимо, что-то такое отобразилось на моем лице, потому что мой собеседник на пару секунд ■

отвел взгляд. В его собственной шевелюре и густой — нет, не бороде, скорее запущенной щетине — серебряных волос было намного больше, чем ярко-рыжих.

— Так в Тарасов приехал цирк, верно? — Руслан Осипович поторопился зацепиться за безопасную тему. — И что там было занятного?

— О, ну, во-первых...

Наш разговор, как обычно, был недолог, не более пяти минут. Я привыкла ценить свое время. («*Ой, да неужели?*» — ехидно произнес мой внутренний голос, неожиданно тоном тети Милы. — *А кто вчера полтора часа присматривал в цирке за сорокалетним пацаном?*»). Обычно эти беседы были совершенно неинформативными, праздными, так сказать; но в этот раз я узнала кое-что новое о своем знакомом.

Руслан Осипович сообщил это под самый конец, словно спохватившись перед тем, как вернуться к своей скамейке.

— А я ведь, Евгения, как раз в цирке-то в свое время и работал! До того, как переехал в Тарасов. И переехал-то сюда, потому что побывал здесь в молодости на гастролях. Побывал и... совершенно влюбился!

— В город влюбились? — До этого я поддерживала беседу из вежливости и желания отвлечься, а тут стало любопытство.

— И в город, и... в одну женщину.

Ага, амурная история. Банально, но завлекательно. Ну, по тому, что я вижу, могу предпо-

ложить: в молодые годы Руслан Осипович был довольно эффектным мужчиной.

— И кем же вы работали в цирке?

— О, я был довольно лихим акробатом. И наездником, это у меня получалось даже лучше. Я мог объездить любого коня, не хуже Александра Македонского! Главное ведь что? Подход и уважение к животному...

— Руслан Осипович, извините, что прерываю, но мне уже пора. — Я выразительно постучала по сверхпрочному стеклу циферблата моих часов.

— Конечно, конечно, и как это я не подумал!.. нет, это вы меня извините, Евгения! Всего хорошего, надеюсь, мы с вами еще увидимся.

Это вряд ли, подумала я. Разве что еще один или два раза по те же пять минут.

Вид отвернувшегося, в одиночестве идущего к скамейке пожилого, как выяснилось, циркача неожиданно испортил мне настроение. Уж больно легко мне на его месте представилась я сама: старенькая, седая, слегка артритная, но *все еще ничего, все еще на подхвате*. Вязаная кофта поверх бронежилета, таблетки от давления рядом с запасными пулями и наручниками. Твердая рука, зоркий глаз, вставная челюсть.

Образ этот перед мысленным взором явился ярко, до отвращения ярко и подробно.

Бррр. Хорошо, что Милу выписывают уже послезавтра.

Оставшееся до выписки Милы время пролетело незаметно: я, умозрительно взяв себя за филешечки (то бишь за ...опу), навела лоск-блеск на квартиру. Моя тетя куда спокойнее относится к моему роду занятий и необходимости быть начеку, чем к беспорядку на родных квадратных метрах. Так что пришлось попотеть. Мила-то и перед отправкой в больницу повздыхала, порассуждала в сомнениях: не нанять ли, мол, клинера на время ее отсутствия. А то квартира без хозяйкиной руки и вообще, а знакомые посоветовали проверенную фирму...

Я чуть не клятвенно Милу заверила, что уж с пылесосом и тряпкой как-нибудь управлюсь и фамильной чести Охотниковых не посрамлю. Если уж мой батя, генеральского чину, решительно отодвигал маму от уборочного инвентаря и сам полировал квартиру («Мужик должен уметь по хозяйству и прочее!» — говаривал он), то чем я хуже?

Закончила я поздним вечером накануне «дня икс». И, уже стоя в душе, думала: может, все же стоило согласиться на услуги клинера (а понашенски уборщицы)? И не доказывать непонятно кому (*да себе, себе, кому же еще?!*), что я тряпкой орудую не хуже, чем метательными ножами. Заодно не чувствовала бы себя упахавшейся старой клячей. Черт, когда поясница вот

этак ноет, нужен ли ортопедический корсет или достаточно специальной мази?

Ладно, зато уборщица хотя бы не обнаружит того, что не предназначено для ее глаз. О том же сейфе в моей комнате посторонним людям знать совсем не обязательно. Ха, да о какой уборщице здесь вообще можно говорить при моей профессиональной подозрительности? Эта моя битва была проиграна с самого начала: уж лучше я серьезно напрягусь в плане ненавистного домашнего хозяйства, чем пушу незнакомого человека на свою территорию. Ладно, уточняя — нашу с Милой.

Во всяком случае, без веских оснований. Бывали исключения, но они у меня по пальцам считаны и лишь подтверждают правило.

Конечно, нарушь этот гимн чистоте и хозяйственности звонок потенциального клиента, и я с чистой совестью (и, не будем лукавить, с радостной готовностью) притормозила бы свое «священнодействие».

У меня давно уже есть свой личный сайт, на котором люди, желающие меня нанять, могут узнать обо мне все необходимое. И, приняв решение, связаться со мной по электронной почте. Я выбираю среди писем интересные мне предложения и сама выхожу на связь. Но процентов двадцать от общего числа моих клиентов не заморачиваются с электронными *цидульками* и звонят сразу. Обычно это либо с рекомендациями от моих бывших клиентов, которые по-

могают составить обо мне впечатление; либо, пardonьте за мой французский, — люди с *горящей ...опой*. Выражаясь приличнее — с безотлагательной потребностью в услугах телохранителя, набравшие номер чуть ли не первого более-менее подходящего человека. Короче, разные случаи бывают.

Арцах, кстати, тоже не звонил. Ни вчера, ни сегодня. Но это я отметила только под конец дня, когда рухнула в кровать и, уже *одной «мозгой» во сне*, включила будильник на мобильном.

«Надо бы вывести мужика на разговор», — подумала я, засыпая. Поставить в известность, да и закрыть тему. Он же мысли не читает, откуда ему знать, что я безнадежно разочарована? А играть в угадку — помилуйте, это ни одним отношениям на пользу не пойдет. Я предпочитаю вываливать все как есть. А уж поглубже или подипломатичнее, — это от ситуации зависит.

С Арцахом нужно, конечно, подипломатичнее. Глядишь на него с высоты своих метра восьмидесяти (а с каблуками, бывало, и все метр восемьдесят пять), такого *обходительного*, и даже сама облагораживаешься. В том самом старомодном смысле, когда чувствуешь себя не матерой бабой из спецназа, а какой-нибудь девицей в кринолине. Куда уж тут грубить.

...я проспала. Сама от себя не ожидала, тем более перед таким ответственным делом. Милу ■ определили на выписку утром.

Я подскочила, схватила мобильник, охнула и понеслась собираться. Выскочила из дома пулей, на голодный желудок, но при этом не забыв поставив квартиру на сигнализацию и врубив кое-какие свои штучки для дополнительной безопасности. Опыт не пропьешь, да. Как и память о последствиях для пренебрегших осторожностью товарищей по команде. В Тарасове у меня не только друзей хватает. В нашем, телохранительском деле без недоброжелателей, увы, не обходится.

«Фольксваген», верный мой многолетний железный коняга, не так давно прошел техосмотр, а вчера был предусмотрительно заправлен под завязку. Так что я стартовала без задержек и удачно попала во временный просвет в дорожном трафике: утренний поток транспорта схлынул, до обеденного пока далеко.

Тетушку я застала уже собравшейся, одетой, но неожиданно хмурой. Что меня насторожило. Мила очень ждала выписки, что не так?

— Что-то ты не в настроении. Случилось что? — Я закинула ее сумку — нелегонький матерчатый баул — на одно плечо; подождала, пока Мила опробует и приноровится к заказанной специально для нее прочной телескопической трости.

Нет, замена коленной чашечки прошла отлично, но сразу давать на это колено полноценную нагрузку врач опять-таки не рекомендовал. Трость смягчала.

Однако мою тетю едва ли настолько могла угнетать необходимость какое-то время *ходить с палочкой*. Нет, тут явно что-то другое.

— Мил, ну правда, что случилось-то? — Я аккуратно положила баул на заднее сиденье автомобиля.

Мне разрешили в порядке исключения припарковаться совсем близко к главному входу, пока свободно. И мешкать, злоупотребляя разрешением, я не собиралась. Но вот Мила немного медлила.

Потом кивнула в сторону дома престарелых — от главного входа тоже неплохо было видно и выход в сад, и скамейки.

— Да видела сегодня опять... этого. Нет, все-таки пожалуюсь! Начальство должно что-то предпринимать, как же они там вообще к подопечным относятся! К пожилым людям! Так же нельзя, Женя!

Благодаря своим и, не буду скромничать, моим связям, пресловутое тетушкино «пожалуюсь» давало свои плоды. Чаше, чем это получается в наше время у простых граждан. Впрочем, судя по рассказам Милы, в советское время дела обстояли примерно так же.

— Нельзя, — просто согласилась я, стараясь не бурчать пустым животом слишком громко.

«Пожалуй, если Мила не будет возражать, отвезу ее куда-нибудь позавтр...»

— Я все видела! — Мила, едва собравшись ■ сесть в «Фольксваген», вцепилась одной рукой

в дверцу. Второй же угрожающе вскинула вверх крепко сжатую трость. — Вы! Да, вы! Я к вам обращаюсь!

Да тут и Чак Норрис дрогнет, без шуток. Командный учительский тон моей тети — он такой.

«Вы» был тем самым «спустя-рукава-санитаром». И сейчас Мила застала его с поличным: парень, грубо ухватив под локоть Руслана Осиповича, не то «помогал» ему подняться, не то пихнул на лавку. Трость моего знакомого валялась у ног санитаря. Выражения лиц — растерянное и беспомощное у Руслана Осиповича, хмурое и недвольное у его безымянного пока учителя.

Мила опустила трость, громко захлопнула дверцу «Фольксвагена» и неожиданно шустро двинулась прямо к ограде, позабыв о замененном колене. Не стала тратить время, чтобы зайти на территорию «престареловцев», и начала поносить парня на чем свет стоит.

Я моментально поняла, что сейчас оттаскивать Милу бесполезно. Напротив, куда эффективнее подействовать ей в ее благородном порыве. Так что я — нет, не угадали, не перепрыгнула ограду и не начала лупить санитаря. Просто достала телефон и начала приближаться к Миле, параллельно снимая происходящее на камеру.

«С вами Евгения Охотникова, мы ведем репортаж с места событий, прямой эфир. Обратите внимание...»

— Я все видела. — Мила прищурилась сквозь очки и продолжила: — Дмитрий! Я каждый день

наблюдала за вами, и я скажу вашему начальству — кого они еще на работу-то взяли! Шпана! Уголовник! Садист! Нельзя так с пожилыми людьми, ты посмотри, он же едва ходит, он ин-ва-лид!

Выявленный Дмитрий от неожиданности так и замер, стискивая руку на локте Руслана Осиповича. Санитар странно непонимающе глянул на своего подопечного, будто безмолвно вопрошал, что делать. Или попросту *не догонял* — а что такого он сделал, отчего так раскричалась эта незнакомая пожилая тетка.

Да, парень, похоже, не семи пядей во лбу. Хоть бы пальцы уже расцепил с локтя: и сам сгорбился, и Руслан Осипович так неудобно сидит, не может переменить позу. И до сих пор так смотрит, будто заплакать готов, и тоже не понимает, что происходит и за что с ним так. Хоть «Оскара» давай. По моему впечатлению, Руслан Осипович мог бы постоять за себя. Заставить с собой считаться. Было у него что-то эдакое в осанке, во взгляде — даже сейчас, когда он сжимался и морщился от криков Милы. Не военное, но властное, как у человека, привычного быть авторитетом.

Я, не опуская руки с телефоном, тем не менее, поглядывала на стоянку, где мне разрешили на минуту пристроить мой транспорт. Время-то шло; а ну как сейчас место понадобится, а тут мы — скандал разводим. Вон, уже и персонал

тами. Нет, ребят, вот прямо сейчас спокойного перекура не ждите...

— Вы че тут ваще? — наконец отреагировал санитар, нервно оглянувшись на перешептывающихся медсестер. Вполне вероятно, у него могли быть и знакомые коллеги в больнице. А тут такое!

Затем он заметил телефон в моей руке. В одну минуту произошли две вещи: Дмитрий выпустил руку Руслана Осиповича, как-то брезгливо отпихивая его поглубже на скамейку. А в начале улицы, на которой располагались больница и дом престарелых, раздался сигнал машины «Скорой помощи».

Я сохранила видео на телефоне и потянула Милу к машине:

— Пойдем скорее, нам надо отъезжать. Видишь, «Скорая» едет!

Мила, к ее чести, упираться не стала; но от машины еще крикнула, чуть хрипло, но все равно громко и грозно:

— У нас все заснято! Я выложу в соцсетях!

Вранье, тетя Мила не любит пользоваться интернетом и не интересуется соцсетями. Но вышло убедительно, аж я поверила.

Я, к счастью, успела освободить стоянку, и казенный больничный транспорт без помех въехал во двор. Я еще кинула прощальный взгляд на двух мужчин в саду. Лиц не увидела: Руслан Осипович нагнулся за тростью, а Дмитрий стремительно удалялся прочь, в дом.

— Я думаю, Мила, ты его испугала, — поделилась я, когда тетя перестала сердито пыхтеть. — Сама-то как? Смотри, как бы давление не того.

— Я в порядке! — решительно отрезала Мила.

Откровенно говоря, тетя меня удивила — раньше я не замечала в ней такую вот амазонку. Не иначе как жажда справедливости обуяла. Взяла, так сказать, обеими руками за горло — так что филейная часть вспыхнула праведным пламенем. Так, уже от Варданыяна-младшего нахваталась. Между нами, девочками: питает он слабость к метафорам. Такое порой завернет, хоть записывай.

— Хорошо, как насчет покушать? — кротко осведомилась я. — Лично я помираю, жрать хочу. Ой, прости, кушать...

— А дома что же, и не приготовлено ничего? — подозрительно сощурилась еще не остывшая после выволочки Мила.

Ну, упс! Штирлиц, это провал.

— Мил, извини, некогда было, — виновато сообщила я, не испытывая при этом ни малейшего раскаяния. — Продукты дома есть, но готовить еще... давай-ка зарулим тут в одно местечко хорошее, ты не против?..

В «Блинчиковой» мы задержались ненадолго; только подкрепились и поехали домой. Тетя ужасно соскучилась по родной обстановке. Я ее вполне понимала: кто угодно вззоет от больничного житья, будь хоть в этой больнице самые распрекрасные условия. Дом — он дом и есть.